

Russkoe Slovo. 1912, December 2.
Русское слово. 2 декабря 1912 г.

Theater and music.

5th concert of the Philharmonic.

This concert was exceptionally outstanding, the last time under the direction of S. V.

Rachmaninoff, who was leaving abroad for almost a year.

Almost the entire program was devoted to works of Russian music: Borodin's Symphony No. 2 in B minor, Glazunov's "Spring," and Rimsky-Korsakov's "Introduction" and "Battle of the Kerzhnets" from "The Tale of the Great City of Kitezh and the Maiden Fevronia."

Three greatest works, significant in terms of their content and importance in native art.

And among them, quite unsuccessfully, the concerto for violoncello by Dvorak, also a Slav, but one-marked so much that almost all music, for rare exceptions, clearly looks like a stamp: "made in Germany".

The concert was a complete triumph for the conductor, who was finally appreciated by Moscow and became the pride of both Russian art and himself.

The Borodin Symphony made a truly stunning impression due to the unprecedented power of expression that Rachmaninoff put into it.

Already in the first bars, from the first note of the string unison, the hidden fiery temperament of the most brilliant image of Russian epic music was recreated.

There they are, the "black clouds" of the Polovtsian barbarians, there is no end to them, they are moving closer and closer, and there is no salvation from them... And the timid smile of a bashful beauty, not tormented by misfortune: if you want, a beauty in the true meaning of the word, if you want, the beauty of Rus', not plundered, not burned and not yet desecrated by the Horde.

The scherzo, the second movement of the symphony, burst into laughter with genius. How much mastery, resourcefulness, humour, how powerfully all this is captured by a single mood?! Never before have I heard the breathless syncopations of the chords of the final movement in such a bold darkness, in the Borodin-like, beautiful organ section.

Andante, the 3rd movement, this "tale of the prophetic Bayan", according to Stasov's apt description, unfolded powerfully, like an ancient scroll of an old, but eternally young tale...

But then it ended and unexpectedly brought us to the princely feast of Vladimir the Red Sun. Let the armour and weapons shine, let the baskets and headdresses embroidered with precious stones and pearls shine in the sounds... What painter's brush can compare in the power of writing with these living colours of sounds?!

And the picture of a mighty feast develops wider and wider,

Now Vladimir himself, the prince, stood up and began to speak, he began to speak something important, something dear, and everyone loved this word, loved it, because everyone after the prince took it up, and you feel how the heart of the prince and all his heroes and confidants beats with one and the same, equally dear thought...

And amidst the noise and chatter of the feast, the gentle, welcoming smile of the beautiful princess warms everyone...

"The affairs of bygone days"...

Their retelling lasted only half an hour!

But what unforgettable, vivid pictures were drawn in the soul of the listener, sounding brighter than colours under the inspired, powerful strokes of the best Russian conductor.

Glazunov's "Spring" was a great success. "I love this composition infinitely," Rimsky-Korsakov once said. "What a mass of sunlight it contains, a splash of light from every bar."

It is impossible to characterize "Spring" better and more accurately, where, indeed, there is so much joy of awakening, where the very talk and chirping of birds are understandable to a person engulfed by the same powerful wave of newly emerging life.

The excellent performance of "Spring", however, paled in comparison to "The Battle of the Kerzhenets".

It would not be the slightest exaggeration to say that the performance of "Kerzhenets" was brilliant.

And it captivated everyone with its powerful beauty of artistic truth, and showed in full growth next to the giant of the epic Borodin another - Rimsky-Korsakov.

Stormy unanimous applause accompanied each of Rachmaninoff's appearances, and at the end they turned into a continuous, endless ovation.

And my heart ached painfully at the end of the concert at the thought that until the coming December 1913 Moscow would neither see nor hear Rachmaninoff whose health and compositional plans would incessantly call him under the eternal blue sky of Italy.

The soloist was the brilliant musician of our time, Pablo Casals. In addition to Dvorak's concerto, which was long and seemed boring given the rest of the program, he performed an encore of a movement from a Haydn sonata (variation) and a rather empty Allegro appassionato by Saint-Saëns.

He played beyond all criticism and achieved tremendous success; yet, since the very works he had chosen were of an inferior sort, his appearance in the concert added relatively little to the immense aesthetic pleasure derived from the beauty of the purely symphonic works performed with such astonishing mastery.

If symphonic music is performed "like this", then the soloists would be better off playing where they want, in their own concerts: here they are almost in the way.

Yuriy Sakhnovsky.

[Translation: Google]

Театръ и музыка.

5-й концерт Филармоній.

Изъ ряда вонъ выдающимся прошелъ этотъ концертъ, въ послѣдній разъ подъ управленіемъ уѣзжающаго почти на годъ за границу С. В. Рахманинова.

Почти вся программа посвящена про-изведеніямъ русской музыки: симфонія № 2, h-moll Бородина, «Весна» Глазунова и «Вступленіе» и «Сѣча при Керженцѣ» изъ «Сказанія о великомъ градѣ Китежѣ и дѣвѣ Февроніи» Римскаго-Корсакова.

Три величайшихъ по содержанію и значенію въ родномъ искусствѣ сочиненія.

И среди нихъ довольно неудачно по-павшій между гениальными проявленіями чисто-славянскаго гениа концертъ для віолончели Дворжака, тоже славянина-чеха, но онѣмеченный Нстолько, что почти на всей музыкѣ, за рѣдкими исключеніями, ясно проглядываетъ штемпель: «made in Germany».

Концертъ былъ сплошнымъ триумфомъ для дирижера, оцѣненнаго, наконецъ, по Достоинству Москвою и ставшаго ея гордостью, какъ и русскаго искусства.

Бородинская симфонія произвела прямо ошеломляющее впечатлѣніе по той небывалой силѣ экспрессіи, которую вложилъ въ нее Рахманиновъ.

Уже в первых тактах, с первой ноты струнного унисона зазвучал скрытый огненный темперамент, создававший гениальнейший образ русской эпической музыки.

Вотъ онѣ, «тучи черныя» половец-кихъ насильниковъ, нѣтъ имъ конца, все ближе и ближе подвигаются онѣ, и нѣтъ отъ нихъ спасенія... И робкая улыбка стыдливой красавицы, не нующей бѣды: хотите, — красавицы въ подлинномъ значеніи слова,

хотите, — красавицы Руси, не разграбленной, не сожженной и не поруганной еще ордою.

Геніальнымъ скерцо смѣхомъ захохотало - 2-я часть симфоніи. Сколько мастерства, находчивости, юмора, какъ все это мощно охвачено единымъ настроеніемъ?! Еще ни разу не дово-дилось слышать въ такомъ смѣломъ темпѣ задыхающіеся синкопы аккордовъ заключительной части въ бородински прекрасномъ органномъ пунктѣ.

Andante, 3-я часть, эта «сказка вѣщаго Баяна», по мѣткой характеристикѣ Стасова, развернулась мощно, какъ древній свитокъ стараго, но вѣчно юнаго сказанія...

Но вотъ окончилась она и неза-иѣтно привела насъ на княжой пиръ Володимира Красна Солнышка.

Блестятъ доспѣхи, оружіе, блестятъ въ звукахъ расшитые драгоцѣнными камнями корзна и сынымъ жемчугомъ уборы... Какая кисть живо-писца сравнится силою письма съ этими живыми красками звуковъ?!

А картина могучаго пира развивает-ся все шире и шире,

Вотъ всталъ и заговорилъ самъ Володимиръ - князь, — заговорилъ что-то что-важное, родное, и всѣмъ любо слово это, любо, потому что всѣ за княземъ под-хватили его, и вы чувствуете, какъ сердце князя и всѣхъ его богатырей и присныхъ бьется одною и тою же, всѣмъ равно дорогой мыслью...

И среди шума и говора пира всѣхъ согрѣваетъ ласковая, привѣтливая улыбка красавицы-княгини...

«Дѣла давно минувшихъ дней»...

Пересказъ ихъ длился только полчаса!

Но какія незабвенныя яркія карти-ны рисовались въ душѣ слушателя, ярче красокъ звучали подъ вдохновен-ными, властными взмахами лучшаго Русскаго дирижера.

Отлично прошла «Весна» Глазунова. «Я безконечно люблю это сочиненіе, — сказала однажды Римскій-Корсаковъ. — Какая въ немъ масса солнечнаго свѣта, изъ cadaго такта свѣгъ брызжетъ».

Нельзя лучше и точнѣе охарактери-зовать «Весну», гдѣ, дѣйствительно, столько радости пробужденія, гдѣ самый говоръ и щебетанье птицъ понятны человѣку, охваченному той же могу-чей волной вновь возникающей жизни.

Прекрасное исполненіе «Весны», одна-ко, поблекло передъ «Сѣчей при Керженцѣ».

Не будетъ ни малѣйшаго преувели-ченія сказать, что исполненіе «Сѣчи» было геніально.

И захватило оно всѣхъ своей мо гучей красотой художественной правды, и показало во весь ростъ рядомъ съ гигантомъ эпикѣ Бородинымъ другого-Римскаго-Корсакова.

Бурные единодушныя аплодисменты сопровождали каждое появленіе Рахманинова, въ концѣ же они перешли въ сплошную нескончаемую овацію.

И больно защемило сердце по окончаніи концерта при мысли, что до будущаго декабря 1913 года Москва не увидитъ и не услышитъ Рахманинова, здоровье и композиторскіе замыслы ко-тораго неотступно зовутъ его подъ вѣчно-голубое небо Италіи.

Солистомъ выступалъ геніальный віз-лончелистъ нашего времени Пабло Казальсъ.

Онъ, кромѣ концерта Дворжака, длиннаго и среди остальной программы показавшагося скучнымъ, исполнилъ на-bis часть изъ сонаты Гайдна (варіаціи) и довольно безсодержательное Allegro appassionato Сень-Санса.

Игралъ онъ выше всякой кригики и имѣлъ громаднй успѣхъ, но такъ какъ самыя сочиненія, избранныя имъ, были «сортомъ пиже», то и появленіе его въ концертѣ мало сравнительно прибавило къ громадному эстетическому наслажденію, полученному отъ красоты удивительно исполненныхъ чисто-симфоническихъ сочиненій.

Если исполнять симфоническую музыку «такъ», то солисты пусть ужъ лучше играютъ, гдѣ хотятъ, въ своихъ собственныхъ концертахъ: тутъ они почти мѣшаютъ.

Юрій Сахновський.